

Гопник с первого взгляда понял, что Оу Цзимин, хоть и рослый, но избалованный, с нежной кожей и явно не приспособленный к драке. Ни малейшего страха он не почувствовал:

— О, еще один помощник пожаловал!

Едва он это произнес, как семеро или восемь мужчин за его столом синхронно поднялись на ноги. Зловеще зыркнув на незваных гостей, каждый из них принялся разминать кулаки, готовясь как следует отделать Оу Цзими́на и его компанию.

Люди Оу Цзими́на тоже не собирались ударить в грязь лицом, и остальные пять мажоров послушно встали за его спиной.

Вот только эти парни привыкли жить в роскоши, тяжелее ложки ничего в руках не держали, не говоря уже о драках.

В одно мгновение они не только уступали числом, но и проигрывали противнику по всем статьям.

Оу Цзимин оглянулся, оценивая собственную расстановку сил, и чувствовал, как лицо заливают краска стыда — такой позор.

Тем не менее, он не собирался показывать слабость и с силой оттолкнул руку гопника:

— Какого черта, устроить здесь бучу удумал?

От толчка Оу Цзими́на гопник пошатнулся и чуть не рухнул на диван.

Это уронило его авторитет перед братвой, и он теперь ни за что не собирался отступать. Гопник схватил со стола бутылку, отколол у нее донышко, обнажая острое рваное горлышко, и ткнул в сторону Оу Цзими́на:

— Ты, мать твою, не борзей.

Сидевшие поблизости посетители один за другим стали коситься в эту сторону, предусмотрительно отходя подальше, чтобы не попасть под горячую руку.

Оу Цзимин отстранил направленную на него разбитую бутылку:

— Если вздумал махать кулаками здесь — я не компаньон. Думаю, мне не нужно напоминать тебе, чем обернется драка в этом месте.

Пусть даже это заведение было всего лишь захудалым танцевальным клубом в развлекательном центре, любой постоянный гость знал: здесь строжайше запрещены любые драки и потасовки. Столкнувшихся нарушителей не только пожизненно заносили в черный список, лишая права даже ступать сюда, но и подвергали бесконечным облавам со стороны администрации — ровно до тех пор, пока тех не вышвыривали из города.

Поэтому, какого бы высокого положения ни был посетитель, он обязан подчиняться здешним правилам, если, конечно, не может тягаться с хозяевами заведения.

Гопник прекрасно знал эти правила, но страшно не хотел терять лицо, поэтому хорохорился:

— Думаешь, я испугался?

Оу Цзимин отвел взгляд и посмотрел на танцпол, где соблазнительная женщина под зажигательную музыку медленно с себя всё сдергивала.

Сбросив тонкую кофточку, она осталась в черном кружевном бюстгальтере; ее пышные округлости подпрыгивали в такт движениям, а упругие ягодички непрерывно покачивались при каждом взмахе стройных ног.

Выгнув спину и прижавшись щекой к шесту, она подалась корпусом вперед, принимая манящий, соблазнительный вид.

Волны ликующих криков нарастают одна за другой, и под ее виртуозные па толпа взрывалась всё новыми воплями.

Все здесь сошли с ума от веселья.

Обычный мужчина, увидев такое совершенство, давно бы потерял голову, но на лице Оу Цзима не дрогнул ни один мускул. Напротив, он бросил с холодным презрением:

— Ха, ничего особенного.

Откатившись взглядом назад, он посмотрел на гопника:

— Если тебя возбуждает подобный товар, твой вкус просто невыносимо убог.

— Ах ты сукин сын, чего вякнул?! — гопник взмахнул кулаком, так и норовя заехать Оу Цзимину в морду, но сдержался, помня о здешних правилах.

Оу Цзимин пропустил его слова мимо ушей и обернулся к Синь Юэ.

Затем он повернулся к гопнику:

— Мне претит побеждать за счет грубой силы. Как насчет того, чтобы сойтись в состязании иного рода?

Этот малчик-красавчик посмел назвать его, мать твою, слабым? Гопник заскрежетал зубами от ярости:

— И как же мы будем соревноваться? — Он был намерен любой ценой утереть нос этому зарвавшемуся хлыщу.

Оу Цзимин произнес:

— Раз уж весь сыр-бор разгорелся из-за того, что он загородил тебе вид на танцовщицу, давай-ка устроим батл по стриптизу.

Гопник опешил:

— Ты, мать твою, со мной танцевать собрался?

Оу Цзимин возразил:

— Разумеется, нет. По нам обоим видно, что танцоры из нас никудышные. Пусть каждый выставит по представителю, а победит тот, чей участник сорвет больше аплодисментов.

На лице гопника расплылась самодовольная улыбка победителя.

Стоит ли говорить, что выступавшая на сцене женщина — восходящая звезда всех крупных ночных клубов, и стоит ей появиться, как залы забиваются до отказа. Он приложил немало усилий, чтобы заполучить ее сюда. С той же стороны маячили одни парни: с виду неженки, и ни один из них не был похож на танцора.

У Синь Юэ внутри шевельнулось недоброе предчувствие. Он покосился на Оу Цзими́на, смутно догадываясь, что этот гад опять решил им поманипулировать.

Так и оказалось: Оу Цзимин указал на Ли Яньцзе и заявил:

— Если выиграешь ты, с ним можно делать всё, что заблагорассудится. Ну а если проиграешь ты — уж не взыщи, придется извольничать и принести мне извинения с рюмкой в руке.

Гопник согласился:

— И по рукам! Только выбирать представителя можешь исключительно среди своих друзей.

— Разумеется, — Оу Цзимин притянул Синь Юэ к себе. — Нашим бойцом будет он.

Синь Юэ нахмурился, его лицо окаменело, и слова сорвались с губ сами собой:

— Я не умею танцевать.

Гопник, разумеется, услышал его признание и охотно кивнул:

— Отлично, от меня по-прежнему танцует она.

Синь Юэ вцепился в Оу Цзими́на и прошипел ему прямо на ухо:

— Эй, я же говорил, что не умею танцевать! Ты это специально! Оу Цзимин скосился на Синь Юэ:

— Я делаю это специально, и что ты мне сделаешь? Но не забывай: хотя здесь они пока ведут себя тихо, стоит вам выйти из ночного клуба — кто знает, что будет. Эти отморозки очень злопамятны. Не успеете вы ступить за порог развлекательного центра, как вам на головы посыплются кирпичи.

— Ты...

— Чего ты? Я тут распинался полдня, чтобы выбить тебе этот шанс, а ты не ценишь добро.

Синь Юэ всегда держался перед Оу Цзими́ном в образе лицемерного праведника, но сейчас

одна мысль о том, как этот взрослый уважаемый человек пойдет перед толпой крутить бедрами и раздеваться, казалась ему верхом наслаждения.

— И напомним еще раз: если на этот раз проиграешь ты, бить будут твоего нового ухажера. А уж полезешь ли ты на сцену, как станешь танцевать и будет ли достаточно аплодисментов — все зависит исключительно от тебя.

Синь Юэ бросил на него ледяной взгляд:

— Залезть на сцену не проблема, но у меня есть условие.

Оу Цзимин откинулся на спинку дивана и лениво произнес:

— Говори.

— Это тоже считается за одно из трех дел, — заявил Синь Юэ. — Понравится тебе или нет, но если я выиграю, это пойдет в зачет.

— Идет.

— Надеюсь, ты держишь слово.

Хмыкнув, он повернулся и направился к танцполу.

Ли Яньцзе схватил его за руку и с тревожным видом произнес:

— Синь Юэ, у меня шкура толстая, я выдержу любые удары, не ходи танцевать. Это... заденет твое достоинство.

— Я всегда отвечаю за свои слова, просто подожди меня здесь, — ответил Синь Юэ и попытался оттолкнуть его руку, но Ли Яньцзе не отпускал. — Нет, я не пущу тебя, это... это такой позор.

Позор?

Да в этом мире полно позорных вещей, и это далеко не предел!

— Ребенок, выросший в башне из слоновой кости, — бросил он, решительно отстранил Ли Яньцзе и зашагал проц.

Ли Яньцзе рухнул на диван и тут же попытался вскочить, чтобы броситься за ним, но по знаку Оу Цзима телохранители тут же вернули его на место, усадив на диван.

Ли Яньцзе завопил:

— Что вы делаете? Остановите же Синь Юэ! Заставлять мужчину танцевать стриптиз — вам не кажется, что это уже слишком?

Оу Цзимин отрезал прямо:

— Как бы далеко ни зашло дело, кашу заварил ты сам. Кем ты тут притворяешься?

Конец ознакомительного фрагмента. Пожалуйста, приобретите полную версию.

<http://bllate.org/book/20981/2129927>